

мировую известность. А. Р. Лурию интересовали мировая живопись (его библиотеке по живописи мог позавидовать самый взыскательный искусствовед), русские деревянные церкви (он сам сделал превосходную слайдотеку деревянного зодчества на русском Севере), киноискусство (отсюда его контакты с С. М. Эйзенштейном). Помню, что по его заказу я привез из Японии телеобъектив каких-то невообразимых размеров для его фотоупражнений.

Нужно сказать, что культура отвечала А. Р. Лурии взаимностью. Я недавно узнал, что многое в лингвистических построениях Р. О. Якобсона основано на исследованиях А. Р. Лурии. Он об этом, несомненно, знал, но никогда не афишировал. То же можно сказать о теории построения движений Н. А. Бернштейна, реконструированной из осколков патологии. Многие осколки — результаты исследований А. Р. Лурии. О психологической теории деятельности и говорить нечего. А. Р. Лурия — такой же ее создатель, как А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко, Д. Б. Эльконин и др.

Недавно признание А. Р. Лурии пришло совсем с неожиданной стороны. Питер Брук получил грант на экранизацию «Маленькой книжки о большой памяти». Выдающийся режиссер дважды был в Москве, в Петербурге, встречался с людьми, которые знали А. Р. Лурию и мнемониста Ш. Конечно, он встречался со многими западными коллегами и друзьями А. Р. Лурии. В итоге многих встреч Питер Брук сказал мне, что он почувствовал А. Р. Лурию своим братом. Это впечатление Мастера, полученное «из вторых рук», говорит о многом и дорогого стоит. Между ними действительно есть нечто общее. Это лучшая доброта и непосредственно воспринимаемая, не требующая никаких доказательств талантливость. Трудно будет П. Бруку подыскать актера на роль А. Р. Лурии. С тем большим нетерпением ожидаем воплощения этого замечательного культурного и художественного (а не научного) замысла.

К счастью, А. Р. Лурия еще живет в памяти многих поколений: его учеников, когда-то молодых его друзей и коллег. Надеюсь, я выражу общее мнение: чем дальше его нет, тем величественнее становится его фигура. Это какая-то обратная временная перспектива. И тем больше нам его не достает.

1997

Александр Владимирович Запорожец: жизнь и творчество (от сенсорного действия к эмоциональному)

Жизненный путь и научная биография Александра Владимировича Запорожца заслуживают монографического описания. Я рад, что к его столетию изданы воспоминания супруги Тамары Осиповны Гиневской об их совместной жизни, длившейся более полувека¹. В них представлена не научная биография, а атмосфера, в которой она протекала и люди, окружавшие Александра Владимировича.

В настоящих заметках мне не удалось ограничиться лишь академическими аспектами его деятельности и уроками, которые я от него получил. Александр Владимирович более тридцати лет дарил мне свои любовь и дружбу. Сначала я получил их в дар по наследству, по праву рождения, как сын Петра Ивановича Зинченко. (С моим отцом А. В. Запорожец подружился в свой харьковский период, который у него, в отличие от других «харьковчан» А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии, продолжался до самой войны. Вернувшись после рытья окопов, он эвакуировался из Харькова с последним поездом.) Позже, мне кажется, я заслужил его расположение и сам. Его уроки, как и уроки моего отца, не просто хранятся в моей благодарной памяти, они вошли в мою плоть и кровь.

А. В. Запорожец родился 12 сентября 1905 года в Киеве. Его родители были увлечены революционной деятельностью и, видимо, не слишком много внимания уделяли сыну. Когда у ребенка обнаружили неполадки в легких, его мама Елена Григорьевна выбросила из головы революционные бредни и всерьез занялась сыном. Она освоила профессию массажистки, возила сына на французские и итальянские курорты. Болезнь отступила, не оставив никаких сле-

¹ См.: А. В. Запорожец — человек и мыслитель / Под ред. Л. А. Парамоновой. М., 2005.

дов. С тех пор у Александра Владимировича на всю жизнь остались очень трогательная, нежная любовь к матери, внимание и забота о ней. Елена Григорьевна дожила до преклонных лет. Щадя ее, сын скрывал свои, к счастью, достаточно поздно появившиеся недуги, равно как и любые жизненные неурядицы, которых у него, как и у всякого советского человека, было предостаточно. Следствием пребывания на курортах стала любовь к морю, к рыбалке. В зрелые годы он часто ездил в отпуск к родителям, проводившим лето в Одессе. Они после переезда в Москву сохранили дом в Аркадии. Там он многие часы просиживал на берегу моря с удочкой. Ловил бычков, но мне кажется, улов его мало интересовал. Во всяком случае, он никогда не хвастался своими рыбацкими достижениями, как, впрочем, и никакими другими. Из Одессы он привозил очередной заряд жизнестойкости и юмора, хотя казалось, что к его собственному неисчерпаемому запасу юмора и мягкой иронии трудно что-нибудь добавить. Это было у него в крови. Юмор и ирония экранировали его от партии, от советской власти, от действительности. Без чувства юмора нельзя было прожить почти всю жизнь в коммунальных квартирах, но квартирный вопрос его не испортил.

Чтобы выдержать такую жизнь да еще плодотворно работать, одного чувства юмора явно недостаточно. Спасала закалка. «20-й год, в Киеве голодно, — вспоминал он, — и родители отправили нас с сестрой в деревню, к деду, на подножный корм, где, как и полагается сельскому парубку, я занимался крестьянской работой: пахал, жал, молотил»². Это не жалоба, далее он пишет: «Потрясающее было время! С одной стороны — голод, лишения, холод; с другой — огромный духовный подъем! Поразительно, с какой страстью разбухшие революцией люди рвались тогда к творчеству, поискам новой правды, к построению нового общества, созданию новой культуры!»³. Не его вина, что ожидавшееся тогда будущее не случилось, но светлую память о том времени он сохранил на всю жизнь. Приведенные слова были написаны им за несколько месяцев до кончины.

К сожалению, революционный голод (в прямом смысле слова «голод») был не последним. Десятилетие спустя голод догнал его на Украине, в Харькове. То был Великий голод. Покинувшие деревню крестьяне умирали на улицах города, в том числе и в подъезде, где жил А. В. Запорожец. Еще через десятилетие страну настигла военная лихая година и бескормица. Он был с женой в эвакуации на Урале.

² Запорожец А. В. Мастер: Воспоминание о Лесе Курбасе // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 25.

³ Там же. С. 27.

Жизнь не баловала Александра Владимировича особыми благами, не всегда давая даже самое необходимое. Но он не унывал, радовался тому, что не случилось худшего. В середине 1930-х годов (или около того) в Харькове образовался небольшой элитарный научно-художественный кружок. Элитарность состояла в том, что члены этого кружка устраивали «картофельные балы». На большее просто не было денег. Недремлющее око НКВД прознало или прослышало об этом. История с Л. Д. Ландау, входившим в кружок, общеизвестна. Не знаю, как с другими участниками, но Тамара Осиповна семь раз навсегда прощалась с Александром Владимировичем, когда его «приглашали» в НКВД. Слава Богу, пронесло. Не могу сказать, что после этого в него вселился страх — он был мужественным человеком, — но стал значительно сдержаннее и осторожнее. Приобрел он и иммунитет к партии, куда его настойчиво звали почти до конца 1960-х годов. Однажды он чуть было не согласился, но вовремя представил себе реакцию беспартийного Бориса Михайловича Теплова на то, что Запорожец вступил в партию.

А. В. Запорожец не пасовал и перед райкомом КПСС, что удивляло прежде всего райкомовцев, привыкших командовать, а не убеждать и спорить. Однажды ему позвонил секретарь райкома и потребовал уволить его заместителя, разошедшегося с женой, так как морально неустойчивый человек не мог состоять в руководстве дошкольным воспитанием. Александр Владимирович ответил, что, если ему не изменяет память, родоначальник соцреализма А. М. Горький был даже трижды женат. Секретарь не нашелся, что на это возразить, и больше к вопросу об увольнении не возвращался. А. В. Запорожец избегал разговоров на партийно-политические темы. Они были ему не интересны, хотя он все знал и все видел.

Дом Запорожцев был открытым и хлебосольным для друзей, учеников и сотрудников. Пожалуй, там никогда не бывало «нужных» людей. Да и потом, годы спустя, я убеждался в том, что ряд людей не приглашались в него вовсе не случайно. В доме принимались два крайне редко пересекавшихся круга. Один — психологический: П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович. Когда бывали в Москве, то гостили в нем Д. Г. Элькин, Б. И. Хачапуридзе, Г. Д. Луков, П. И. Зинченко. Это сообщество можно определить как выготчане, харьковчане и их друзья. Другой — сборный, интимно-дружеский, хотя последнее, конечно же, относится и к психологическому сообществу. Во второй круг входили такие замечательные люди, как А. О. Гиневский — художник, ответственный секретарь МОСХа периода «оттепели», его жена Е. С. Гиневская — микробиолог, В. В. Левик — поэт и перевод-

чик, А. И. Константиновский — театральный художник и график, М. С. Пеккелис — профессор Гнесинского училища, сестра А. В. Запорожца Наталья Владимировна — музыковед, А. Ю. Ишлинский — академик по Отделению механики. Я считаю себя счастливым человеком, так как меня «допускали» в оба эти круга друзей, и в этом доме я прошел второй (если не первый и главный) университет.

Многие годы открытость дома для учеников, особенно университетских, была вынужденной. С «жилем» в Психологическом институте было неважно. Первый «непроходной» кабинет Александр Владимирович получил, когда возглавил Институт дошкольного воспитания. Да и тот не отдал под лабораторию только потому, что директор должен иметь кабинет. Какое-то время у него было даже два кабинета. Второй — академика-секретаря Отделения психологии АПН. Когда я занял эту должность, мне была приятна не должность, а то, что я работал в его кабинете. Что там происходит сейчас, не знаю. Несколькими годами назад я покинул это когда-то родное мне отделение.

Еще один штрих к его портрету, после чего я постараюсь (если мне это удастся) перейти на академический тон изложения. Когда я писал аналогичные заметки об А. Р. Лурии и других участниках школы, то задумывался о том, каково было распределение ролей в таком тесном, дружном и плодотворном коллективе, каковой была харьковско-московская школа психологов. Они ведь все такие разные, у каждого в Москве образовалась собственная школа, десятки учеников и учеников их учеников. И тем не менее они не могли жить друг без друга.

А. Н. Леонтьев, несомненно, был признанным всеми лидером. Кажется, что таким он был от рождения. Он много сделал не только для сохранения и развития собственной деятельности школы, но и для психологии в целом. Все они, любя его, подтрунивали над ним, когда он рассказывал о своих достижениях в «коридорах власти». А. Р. Лурия — гений, он действительно Бетховен в психологии, как его назвал Ст. Тулмин в статье «Моцарт в психологии», посвященной Л. С. Выготскому. Д. Б. Эльконин — человек с мужественным научным темпераментом, стойко выносивший неоднократные изгнания из науки, лишение ученых степеней и щедро разбрасывавший свои идеи. П. Я. Гальперин всегда был учителем, которого все остальные ласково называли «ребенком» или Гальпетя и ходили к нему советоваться, хотя понимали, что хорошая оценка вовсе не гарантирована.

А. В. Запорожец при всей своей бесконечной доброте был совестью этого небольшого коллектива таких разных единомышленников. Конечно, у них возникали трения, сложности, но мир в доме

сохранял главным образом Александр Владимирович, часто играя роль советчика, врача. К его помощи прибегали не только выготчанине. Обаяние, такт, доброжелательность, единственно нужные слова и поступки привлекали к нему окружающих. При нем невозможно было сделать что-либо стыдное. А. В. Запорожец, несомненно, тоже был лидером, но лидером незаметным, непоказным. Он был лидером нравственным, что заставляло стусевываться иных лидеров. Сознательно или бессознательно он держался в тени. Я, например, только из примечания А. Н. Леонтьева к своему тексту, посвященному гипотезе возникновения психики и ее экспериментальной верификации, узнал, что и то и другое было сделано совместно с А. В. Запорожцем. Конечно, все участники этого коллектива были личностями, талантливыми учеными, замечательными учителями. Я подчеркиваю лишь их доминирующие черты. При всей любви друг к другу они были справедливы и требовательны.

А. В. Запорожец был нетороплив, но основателен. Он не бегал, как А. Р. Лурия, через три ступеньки и не звонил друзьям и коллегам в 7–8 часов утра. Он не спешил с защитой докторской диссертации. Когда он защитил ее, Е. И. Бойко сказал ему, что, если у нас ученый в 55 лет защищает докторскую, его считают вундеркиндом. Эта ирония имела основания. Старшее поколение психологов достаточно трепетно относилось к докторской степени. Но зато какие это были диссертации! Защита каждой была событием в науке.

А. В. Запорожец был терпимее А. Р. Лурии. Одного из своих действительно талантливых учеников он называл «доброкачественным лентяем» и многое прощал ему. Вообще, он нас так замечательно воспитывал, что мы, его ученики, этого совершенно не замечали. А он, смеясь, говорил, что человека после 12–13 лет воспитывать бесполезно. Не раззнакомился со мной Александр Владимирович, когда я в 1960 году не принял его предложения организовать психологическую лабораторию в создаваемом им тогда Институте дошкольного воспитания или возглавить его лабораторию детской психологии в Психологическом институте, который он покидал. Я предпочел «сыграть в ящик» — в НИИ автоматической аппаратуры, где мне предложили организовать лабораторию инженерной психологии и заняться проблемами противовоздушной обороны. А. В. Запорожец отпустил меня и искренне пожелал успеха. Хотя он был огорчен и не скрывал этого, мой отказ никак не повлиял на наши отношения. Он только как-то сказал мне: «Глядя на тебя, я иногда чувствую себя, как курица, высидевшая утят и удивляющаяся, что они делают то, что она не умеет сама, например, плавают». Меня оправдывает то, что вместе с моей женой Н. Д. Гордеевой еще

при жизни А. В. Запорожца продолжили его исследования произвольных движений и предметных действий. К счастью, мы успели посвятить ему нашу первую книгу по исследованию моторики. Он был искренне рад тому, что почти забытая им, заслоненная директорскими обязанностями, проблематика развивается.

Перейду теперь к обещанному академическому тону и стилю.

Трудно переоценить вклад А. В. Запорожца в психологию. Именно в психологию, а не в психологическую теорию деятельности или в деятельностный подход. Стержнем его интересов была не деятельность, а действие во многих своих ипостасях: сенсорное, ориентировочное, перцептивное, умственное, эмоциональное, эстетическое, игровое, учебное, наконец, исполнительное действие, т. е. действие *per se*. Иногда он пользовался термином «психическое действие». Если сквозь призму понятия действия прочесть его труды, то неминуемо придешь к выводу, что в них заложены основания и общий абрис будущей психологии действия. Действие в его исследованиях выступало не только как объяснительный принцип или единица анализа психики, а как подлинный предмет изучения. Попробую проследить истоки его интереса к действию.

Не всем известно театральное, «допсихологическое» прошлое Александра Владимировича. В свое время многие в этом воочию убеждались на «капустниках» в Психологическом институте, на его научных докладах, которые он тщательно готовил не только по содержанию, но и по форме. Артистичность чувствовалась во всем: от лекций до застолья, когда он бывал тамадой. Но в последний год жизни Александра Владимировича мы узнали, что его допсихологическое прошлое было в высшей степени психологическим. Весной 1981 года украинский режиссер и исследователь театра А. С. Танюк разыскал А. В. Запорожца и попросил его написать воспоминания о своем ученичестве и работе в театре Леся Курбаса (1887–1942) — зачинателя нового направления в театральном искусстве.

Летом, во время отпуска, А. В. Запорожец выполнил просьбу, написал очерк «Мастер. Воспоминание о Лесе Курбасе». Из этого очерка следует, что проблематика формирования, строения, регуляции человеческого действия, эмоций, чувств заинтересовала его, когда он в юные годы недолгое время был учеником Леся Курбаса. Не забыл ученика и учитель. Танюк познакомил А. В. Запорожца со стенограммой выступления ученика Л. Курбаса — мастера художественного слова В. А. Мовсесяна — на вечере Л. Курбаса в музее им. А. А. Бахрушина (16 апреля 1979 года). А. В. Запорожец привел большой отрывок стенограммы, исключив слова о себе.

«Посмотрите, какие идеи развивают наши соседи — Выготский и его группа! Я проговорил с Львом Семеновичем часов пять — и поражен его размахом! Какой масштаб личности! И знаете, что поразительно? Он говорил о том, что важно в первую очередь нам, деятелям театра. Да-да! Это очень близко к тому, чем мы пытались заниматься, — конечно, любительски, не зная азов, интуитивно, — еще в “Молодом театре” и МОБе! (Это аббревиатура — Художественное объединение “Березиль”, созданное А. С. Курбасом в 1922 году в Киеве. — В. З.) И конечно, меня обрадовал один штрих: знаете, кого он считает самым талантливым человеком? Нашего Запорожца! Да-да, он был у нас в одной из студий, в Киеве! Приятно! Это вам не рефлексология!..»⁴ Эта оценка Л. С. Выготского дорогого стоит. Хорошо, что Александр Владимирович узнал о ней.

А. В. Запорожец писал о том, что он может сравнить А. С. Курбаса лишь с такими великими мастерами и преобразователями мирового театрального искусства, как К. С. Станиславский, Гордон Крег, В. Э. Мейерхольд, Е. Б. Вахтангов или С. М. Эйзенштейн. Вспоминая эти годы и уроки своего первого учителя, А. В. Запорожец писал о том, что А. С. Курбас ставил перед молодыми актерами задачу овладения сценическим поведением и эмоциями в терминах преобразования или превращения собственных движений (ср. со все чаще встречающимся в психологии термином «форма превращенная»): «Мне представляется достойной пристального изучения, оригинальной и глубокой по своему психологическому содержанию идея “перетворенного руху” (“превращенного движения”). А. С. Курбас предлагал актеру, прежде всего, сосредоточиться на содержании своей роли и спектакля в целом, осмыслить его и вчувствоваться во внутренний мир изображаемого героя, вжиться в ту систему отношений и обстоятельств, в которой герою предстоит действовать, осмыслить общественную значимость его переживаний и поступков. Вместе с тем он считал необходимым развить у актера способность расслабиться, снять мышечную напряженность, избавиться от власти штампов, жестко зафиксированных и прагматически направленных “орудийных” действий, ограничивающих “степени свободы” человеческой моторики, побуждая ее звучать подобно эоловой арфе в унисон с внутренней симфонией дум и переживаний изображаемой личности. Таким образом, выдвигалась новая и, с моей

⁴ Запорожец не включил в свой текст слова, выделенные курсивом. Они содержатся только в стенограмме мастера художественного слова В. Мовсесяна, записавшего воспоминания Курбаса. См.: *Запорожец А. В. Мастер: Воспоминание о Лесе Курбасе // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 34–35.*

точки зрения, очень продуктивная концепция актерской выразительности, в каких-то отношениях сходная с той системой научных понятий о живом человеческом движении, которая разрабатывается в современной психологии»⁵. Мне представляется достойным столь пристального внимания комментарий А. В. Запорожца к системе Леся Курбаса. Именно комментарий, а не только воспоминания, так на последних сказался более чем полувекковой опыт работы автора в психологии. Орудийные действия ограничивают степени свободы человеческой моторики. Конечно, в работе актера не только моторики, но и перцепции, интеллекта, эмоций. А. В. Запорожец говорит о необходимости избавления от них и называет орудийные действия штампами. И об этом пишет представитель научной школы Л. С. Выготского, пафос которой в преодолении натуральной, природной психики, в отстаивании идей о ее культурном, орудийном характере, в развитии каузально-генетических, инструментальных методов ее изучения. Особенно примечательно одобрительное отношение А. В. Запорожца к исследованиям (и понятиям) живого и, как следует из контекста, не орудийного человеческого движения. Требование раскрепощения степеней свободы человеческой моторики есть выведение ее за пределы орудийности, т. е. культуры в природу человека, есть требование непосредственности, спонтанности. Роль последней в развитии психики ребенка он старался подчеркнуть, несмотря на идеологические табу. Из исследований моторики А. А. Ухтомского, Н. А. Бернштейна, А. В. Запорожца следует, что избыток степеней свободы кинематических цепей человеческого тела есть постоянно действующий резерв безграничного развития и совершенствования движений и действий.

Обращусь снова к его воспоминаниям: «Л. Курбас своей идеей строительства философского театра, утверждением того, что творчество актера и режиссера должно строиться не на голой интуиции, а на сознательном отношении к изображаемым событиям, на глубоком понимании их внутреннего смысла, пробудил во мне, может быть, сам того не подозревая, интерес к психологии, к научному познанию внутреннего мира человека, к исследованию возникновения *его мыслей и эмоциональных переживаний, процесса становления его личностных качеств*. Все это, — продолжает А. В. Запорожец, — побудило меня в конце концов уйти из театра, поступить во 2-й Московский университет и заняться изучением психологии. Я стал учеником знаменитого советского психолога

⁵ *Запорожец А. В.* Мастер: Воспоминание о Лесе Курбасе // *Запорожец А. В.* Избранные психологические труды. В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 33.

Л. С. Выготского. <...> Обнаружилось, что, несмотря на глубокое различие между моей предшествующей актерской и последующей научной деятельностью, между ними существует какая-то внутренняя связь и то, что раньше постигалось интуитивно, теперь должно было стать предметом объективного экспериментального изучения и концептуального осмысления»⁶.

Таким образом, А. В. Запорожец пришел в психологию с уже сложившимися интересами и своими проблемами. Они, впрочем, подпитывались его любовью к театральному искусству.

Напомню, что во второй половине 1920-х годов, когда А. В. Запорожец пришел в психологию, перед ней только начинала ставиться проблема овладения поведением и организации деятельности. В идее превращения, претворения действия в том виде, в котором она реализовалась не только А. С. Курбасом, но и другими мастерами театра и кино того времени, содержится отказ от натуралистического копирования действительности. «Многие молодые художники 20-х годов, — писал Г. Козинцев, — выросли на ненависти к натурализму»⁷. Но к их чести нужно сказать, что вполне от «натурализма», от природы, от спонтанности они не освободились. В сочинениях Е. Вахтангова, Г. Козинцева, В. Мейерхольда, К. Станиславского, С. Эйзенштейна сплошь и рядом встречаются такие противопоставления и эпитеты, сопровождающие термины «движение» и «действие»: физическое, машинообразное, шаблонное и живое, жизненное, раскованное; внешнее и преобразованное, внутреннее, психологическое, духовное, осмысленное и т. д. Мы видим, что уже в те годы начали закладываться основы понимания режиссуры как практической психологии, предметом которой выступало действие, представляющее собой материал актерского искусства. Конечно, не каждое действие может выступать таким материалом, а лишь то действие, которое специально перестроено или построено как эстетическое. Это положение хорошо выразил О. Мандельштам, когда писал о замечательном актере В. Н. Яхонтове: В. Н. Яхонтов не осуществляет реальное исполнительное действие, а дает «графически точный и сухой рисунок, рисунок движения и узор слова»⁸. Впоследствии А. В. Запорожец, анализируя поведение детей, показывает, как действие оседает в жесте, в рисунке.

Даже этих отрывочных сведений из истории театрального искусства 1920-х годов достаточно для иллюстрации положения о

⁶ *Там же.* С. 33, 34.

⁷ *Козинцев Г. М.* Пространство трагедии. М., 1973. С. 6.

⁸ *Мандельштам О. Э.* Яхонтов // *Экран.* 1927. № 31. С. 15.

том, что идея превращенного действия может быть выражена на современном психологическом языке как идея не только формирования, проектирования действия и деятельности извне, но и их саморазвития.

Истоки подобной трактовки сценического искусства лежат в русском символизме. Вяч. Иванов писал: «Исконное имя сценического искусства — Действо». И далее: «Действо как искусство возникло из реального события и к переходу в реальное событие тяготеет»⁹. Обращу внимание, с одной стороны, на различие действия как реального события и художественного действия, а с другой — на подчеркивание генетической и двусторонней связи между ними. Уместно напомнить исследования А. В. Запорожца, посвященные формированию эстетического восприятия дошкольников. Он выделил стадию эстетического восприятия, предшествующую сопереживанию и вчувствованию, которую он назвал стадией «содействия». Замечательным свойством детских ролевых игр, по его мнению, является то, что они занимают промежуточное место между реальными и художественными действиями. Наконец, еще один урок, который вынес А. В. Запорожец из своей предшествующей актерской деятельности. Выражу это словами Вяч. Иванова: «Театр имеет своим художественным материалом целостный состав человека и стремится к производству целостного события»¹⁰. Если мы выделим превращенное действие и целостный состав человека, то получим личностное или психологическое действие, поступок, как материал актерского искусства и притом не просто отраженное действие (зрелище, иллюзию), а действие воистину, где истина, по словам Вяч. Иванова, утверждается непререкаемым логизмом действия. Сказанное выше свидетельствует о том, что атмосфера поисков, господствовавшая в театральном искусстве (да и вообще в искусстве) в те годы, наложила на А. В. Запорожца глубокий отпечаток. По словам супруги А. В. Запорожца, первыми его учителями помимо Л. Курбаса были В. Мейерхольд и С. Эйзенштейн. Под их влиянием и складывалась его программа психологических исследований и стратегия ее реализации. Поэтому вовсе не случайно во второй половине 1920 годов А. В. Запорожец стал учеником и последователем именно Л. С. Выготского, а не таких, в то время значительно более известных психологов, как П. П. Блонский, К. Н. Корнилов, Г. Г. Шпет, у которых ему также довелось учиться во 2-м Московском университете. Не случайно, что Л. С. Выгот-

⁹ *Иванов Вяч.* Борозды и Межи. М., 1916. С. 261.

¹⁰ *Там же.*

ский направил именно А. В. Запорожца в студию С. Эйзенштейна для планирования и организации совместных исследовательских работ, которым, к сожалению, не суждено было осуществиться.

Дальнейшая, теперь уже научная, судьба А. В. Запорожца была неразрывно связана со школой Л. С. Выготского. Через всю жизнь А. В. Запорожец пронес глубокое уважение и любовь к своему второму учителю. Научные идеи и методологические принципы, выдвинутые Л. С. Выготским, обогатили его собственную программу, легли в основу его исследовательской работы. Конечно, верно, что программа исследований А. В. Запорожца была обогащена Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией, но столь же верно и то, что его же программа обогатила культурно-историческую теорию Л. С. Выготского и психологическую теорию деятельности А. Н. Леонтьева. Более того, она прочертила для них новую перспективную линию, или зону ближайшего развития, в которой находится психология действия.

А. В. Запорожец пришел в психологию, чтобы понять аффективное, осмысленное, произвольное сценическое действие. Но так сложилась его научная судьба, что он долгие годы «тренировался» на сенсорном, перцептивном, умственном действиях, как бы наполняя их смыслом и волей. К своей «первой любви» — к аффективному действию он обратился в конце жизни, когда был загружен административными обязанностями. В 1959 году по настоянию А. А. Смирнова и Б. М. Теплова он возглавил Институт дошкольного воспитания и не сумел в полной мере реализовать свою научную программу исследования аффектов. В этом он повторил научную судьбу своего учителя Л. С. Выготского. Аффект действительно стал прологом и эпилогом научных биографий Льва Семеновича и Александра Владимировича. Они не нуждаются в оправдании. Мы, правда, не имеем теории аффектов Выготского-Запорожца. Но зато есть реализация аффектов, выразившаяся у Выготского в страстном отношении к науке, а у Запорожца — в безграничной любви к детям, в создании когда-то славного Института дошкольного воспитания. Трудно переоценить вклад А. В. Запорожца в психологию детского развития.

Обозначу лишь некоторые вехи на пути А. В. Запорожца к аффективному действию. Харьковский период научной деятельности А. В. Запорожца характеризуется широтой поиска. Здесь мы находим исследования, посвященные развитию эстетического восприятия детьми литературного произведения, иллюстраций к сказкам, театральным постановкам. Наряду с этим изучаются общие вопросы восприятия, намечаются контуры созданной впоследствии теории

перцептивных действий, вводится понятие сенсорного действия. Отчетливо формулируется положение о том, что *способ действия является живым отображением предмета*. Выделяются простые и сложные сенсорные действия. Система предметных операций последнего охватывает весь предмет и объединена предметной формулой. Эти положения принципиально важны для понимания фундаментального свойства образа восприятия — свойства предметности. В 1941 году А. В. Запорожец публикует выполненное совместно с В. И. Асниним исследование возникновения чувствительности кожи ладони к лучам видимого спектра, использованное А. Н. Леонтьевым при формулировании гипотезы о возникновении психики. Влияние действия на характер восприятия А. В. Запорожец распространяет и на процесс образования установки, к анализу которой он неоднократно обращался впоследствии, в том числе и со своими учениками А. И. Мещеряковым, Л. А. Венгером и В. П. Зинченко.

В те же 1930-е годы А. В. Запорожец предпринимает цикл исследований развития детского мышления. В них показано, что за значением, которое, согласно Л. С. Выготскому, является единицей анализа речевого мышления, скрывается предметно-практическое действие. В последнем рождаются «действенные суждения», «доречевые практические обобщения», представляющие собой «функциональные значения предметов». Они характеризуются как «динамические понятия», своего рода «сенсорно-динамические образования», в которых слиты сенсорные и моторные образования. Впоследствии Ж. Пиаже назвал подобные, порожденные действием образования «схемами» и «праксическими концептами». А. В. Запорожец, развивая идею Л. С. Выготского о том, что действие может становиться знаком, показал, как это происходит. Движение как бы отчуждается от действия, оно превращается в жест, в том числе и оседающий в рисунке, в мимический слепок вещи, в «ручное понятие».

В высшей степени интересны рассуждения А. В. Запорожца о возникновении мышления. По сравнению с более элементарной формой психики — перцепцией, где одно свойство предмета опосредуется другим, в мышлении появляется новая форма опосредования, когда индивид начинает относиться к одному предмету через другой. В этом случае содержанием его деятельности являются отношения между предметами, между вещами, а это уже есть содержание разумное, притом выступающее первоначально в самом действии, а не в размышлении. Таким образом, А. В. Запорожец обнаруживает в дошкольном детстве зачатки теоретического отношения к предмету, теоретической деятельности, на основе которых

возможно формирование причинного мышления. Он вводит понятие интеллектуального действия и характеризует его как двухактное: осуществляется мышление на первом акте, но изменение и развитие его средств происходят на втором акте. Заметим, что в те же годы и в тесном контакте с А. В. Запорожцем П. И. Зинченко проводил исследования мнемических действий. Действие *per se*, или исполнительное, навыковое действие изучал В. И. Аснин. К сожалению, В. В. Давыдов, работавший над развитием теоретического мышления школьников, явно недостаточно учитывал опыт изучения когнитивных действий, накопленных в Харьковской психологической школе.

Большой опыт исследований произвольных движений и действий А. В. Запорожец приобрел в годы Великой отечественной войны. Он работал в восстановительном госпитале, где проходили реабилитацию бойцы с ранениями верхних конечностей. Тогда же он испытал влияние Н. А. Бернштейна, на труды которого он опирался в дальнейшем при изучении развития произвольных движений. Нужно сказать, что, выбирая главное направление своих исследований в послевоенные годы, он колебался: продолжить ли исследования интеллекта или движения и действия. Выбор был не прост. Он остановился на последних и вместе с сотрудниками изучал развитие произвольных движений, а изучение развития мышления продолжили его ученики Г. И. Минская, Л. А. Венгер и др.

Согласно Н. А. Бернштейну, движение реактивно. А. В. Запорожец добавил к этому свойству чувствительность, «ощущаемость». В середине 1950-х годов в работе М. И. Лисиной, выполненной по давнему замыслу и под руководством А. В. Запорожца, было показано, что ощущаемость движения представляет собой неперемное условие его управляемости. Лишь после того, как испытуемые научились ощущать свои сосудистые реакции, они смогли ими управлять. Значит, движение представляет собой своего рода кентавр: оно обладает не только биодинамической, но также и чувственной тканью. Наглядно это можно представить себе как переходящие одна в другую наружная и внутренняя стороны ленты Мёбиуса. Конечно, сама по себе идея не нова. Р. Декарт говорил, что действие и страсть — одно. У П. А. Флоренского мы встречаем идею о том, что действие — не только исполнение, но и претерпевание. Однако в исследовании А. В. Запорожца и М. И. Лисиной имеется строгое экспериментальное доказательство этой идеи.

Затем А. В. Запорожец обратился к проблеме «внутренней картины», или внутренней формы движения, в содержание которой входит образ ситуации и тех действий, которые в этой ситуации

должны или могут быть выполнены. Впервые в мировой литературе он включил образ ситуации и образ действия, т. е. на сей раз своего рода перцептивную ткань, в биодинамическую ткань движения, двигательного акта. Более того, А. В. Запорожец утверждал, что объективно движение само представляет собой динамический осмысленный образ, а не самое орудие осуществления намерения. Вспомним также об исследованиях действенной природы мышления. В ходе развития исследований движений и действий они наполнялись когнитивными свойствами и функциями. Это, в конце концов, позволило ему заключить, что действие умное само по себе, а не потому, что им руководит внешний и посторонний ему интеллект.

Но и этого мало. А. В. Запорожец рассматривал действие как потребность, мотив, цель и задавался вопросами: каким образом действие может сделаться целью для другого действия? каким образом субъект начинает стремиться к действию как к известной внешней вещи, внешнему предмету? каким образом он может стремиться к действию так, как стремился раньше к пище или какому-либо другому предмету, удовлетворяющему его потребности? Единственная возможность этого, отвечал А. В. Запорожец, заключается в том, что действие опредмечивается. Тогда действие субъекта как бы отделяется от него и выступает не только как внешний предмет, но и как «внешний субъект», в котором оно овеществлено и персонифицировано. Овеществленная и персонифицированная субъектность действия — это уже не вполне действие, а, скорее, Деяние, Действо, возможно, не только эстетическое, но и сакральное. Наконец, от субъектности действия А. В. Запорожец пришел к проблеме личностных установок, к проблеме «моторика и личность», обсуждением которой заканчивается его замечательная книга «Развитие произвольных движений»¹¹. Через всю книгу проходит положение о том, что необходимо отказаться от понимания живого движения как механического перемещения тела или его органов в пространстве и перейти к рассмотрению его как сложного моторного акта, реализующего определенное (и целостное) отношение субъекта к предмету, к действительности, к другому человеку. Не менее важна мысль о том, что овладение новыми действиями (а не овладение предметами посредством действий и деятельности) представляет собой подлинное обогащение субъекта, развитие не только оперативно-технических способностей, но и его личности, истинно человеческого бытия.

По существу, эта книга должна рассматриваться как вклад в решение вечных проблем психологии: свободы воли и свободного

¹¹ Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960.

действия. Но пятьдесят лет тому назад обсуждать эти проблемы в нашей стране было не модно. В моде еще были рефлекс и «охранительное торможение». Мне кажется, что у А. В. Запорожца был род аллергии к теоретико-методологическим изысканиям. Сам он старался ограничиваться лишь минимумом «дежурных» ссылок на труды классиков марксизма-ленинизма. Они были в его библиотеке, а в качестве закладок использовались горелые спички. Он и мне советовал обойтись без философско-методологической проблематики психологии. Это, кажется, один из редких случаев, когда я не послушался и рад этому. Потому что без моих философских и теоретико-методологических упражнений я не смог бы проникнуть в глубинные (и нередко закамуфлированные эпохой) смысловые пласты плодотворной деятельности моего Учителя.

Проблема целостности поведения и деятельности индивида не может рассматриваться вне категорий ценности и смысла, связанных с эмоциональной, интимно-личностной сферой человека. В изучении эмоциональной сферы А. В. Запорожец также опирался на исследования Л. С. Выготского. Свой последний подготовленный, но не прочитанный доклад он посвятил роли Л. С. Выготского в разработке проблемы эмоций. По его мнению, главное в теории Выготского состоит в том, что сущность и источники происхождения самого глубинного и интимного в человеке заключается не в его телесных, внутриорганических процессах и не в имманентно присущих его духовной организации свойствах, а в его внешней чувственно-предметной деятельности, его взаимоотношениях с другими людьми, в создаваемых обществом произведениях культуры, в том числе в культуре художественной, в сокровищах искусства.

Размышления А. В. Запорожца шли в этом же направлении: «Психология должна исследовать механизм того поистине паразитического, магического влияния, которое оказывает искусство на аффективную сферу человека, буквально навязывая ему, подчас как бы вопреки его воле, устремления, совершенно не свойственные ему чувства, чуждые ему переживания (см. Л. Н. Толстой “Крейцера соната”, Л. Фейхтвангер “Успех” и др.). Есть основания полагать, что такого рода способы аффективного влияния, которые имеются в искусстве в наиболее совершенной и рафинированной форме, широко представлены и в более обыденных видах эмоционального выразительного воздействия, используемых людьми в повседневной жизни, в повседневном общении друг с другом»¹².

¹² См.: Зинченко В. П. Комментарии к рукописному наследию А. В. Запорожца // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 296–297.

Напомню, что именно в утверждении Л. С. Выготским объективности существования аффективно-смысловых образований, драмы человеческих страстей Д. Б. Эльконин видел неклассичность культурно-исторической психологии.

А. В. Запорожец возражал против натуралистического отождествления выразительных движений животных и человека, говорил о необходимости учета символизма определенных форм выразительности человека, при которых она, обладая известным внешним сходством с выразительностью животных, может иметь совершенно другой смысл, чем у наших животных предков. Он подчеркивал важность «второго выражения человеческих эмоций», к которому относится выразительность языка и воображения, и распространил на эмоции ранее высказанное им положение о наличии внутренней картины движения, утверждая существование в структуре эмоций внешней и внутренней форм. Выразительное движение — лишь внешнее проявление уже имеющегося чувства, а не способ его существования, формирования и развития. В своих размышлениях А. В. Запорожец не ссылаясь на Г. Г. Шпета, развивавшего учение В. фон Гумбольдта о внутренней форме, но в студенческие годы он слушал его лекции и восхищался ими. Кто знает, может быть Л. С. Выготский не до конца затмил Г. Г. Шпета, и влияние последнего все же сказалось, хотя и с большим опозданием.

А. В. Запорожец применил к изучению эмоций центральные для культурно-исторической психологии принципы интериоризации и опосредствования. Специфически человеческие, высшие эмоции опосредованы социальными мерками, эталонами ценности. На протяжении детства, ребенок, общаясь с окружающими, усваивает соответствующие нормы и эталоны. Мы видим, что в анализе эмоций используется та же логика, что и в анализе перцепции, где речь шла об усвоении социально выработанных сенсорных эталонов, становящихся оперативными единицами восприятия (см. также исследования Л. А. Венгера и В. П. Зинченко, выполненные под руководством А. В. Запорожца). Конечно, интериоризация — процесс изначально социальный, имплицитно включающий в себя такие формы активности как совокупное действие, общение, совместно-распределенная деятельность и пр. Однако, как можно понять из упомянутого выше исследования А. В. Запорожца и М. И. Лисиной, она требует от индивида высокой степени собственной активности. Обнаруживаемые ощущения от сосудистых реакций нужно объективировать (экстериоризировать), представить их перед собой, а затем пытаться сделать их ориентирами-регуляторами поведения. Аналогичное происходило и в исследованиях возник-

новения кожной чувствительности к свету, которые проводили А. В. Запорожец, В. И. Аснин, А. Н. Леонтьев. Из других исследований А. В. Запорожца следует, что объективация, «вынесение себя из себя», является неременным условием осмысленной, а не непосредственной интериоризации, когда речь идет о развитии, действительно, высших психических функций. При таком понимании интериоризация эквивалентна овладению собой.

Сравнивая когнитивную и эмоциональную регуляцию поведения, А. В. Запорожец находит в них сходные и различные черты. Первая характеризуется согласованием внутренних, точнее собственных средств и способов деятельности (сенсорных и перцептивных эталонов, оперативных единиц восприятия и памяти, моторных и интеллектуальных схем и программ) со сложившимися образами и представлениями об объективном значении наличной проблемной ситуации и тех ее преобразований, которые должны быть произведены для достижения цели. В отличие от этого эмоциональная регуляция характеризуется согласованием другого рода собственных средств (личностный смысл, нравственные ценности, нормы, идеалы, эталоны эмоционального отношения окружающим, внутренние аффективные побуждения личности и пр.) с общей направленностью и динамикой поведения и деятельности. А. В. Запорожец соотносил эмоциональные процессы не со значением, а со смыслом ситуации и действий в них производимых. Смысловые задачи решаются путем мысленных преобразований той или иной ситуации, позволяющие обнаружить ранее скрытую положительную или отрицательную ценность для индивида как сложившихся обстоятельств, так и действий, которые могут быть в ней произведены. Решение смысловых задач обеспечивает не только и даже не столько предвидение, сколько предчувствие последствий развития ситуации и изменений, вносимых в нее индивидом.

По сути дела здесь речь идет об эмоциональной интуиции, а в пределе — об интуиции совести (выражение А. А. Ухтомского). Выясняя различия между когнитивной и эмоциональной регуляцией, А. В. Запорожец не забывал положения Л. С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, но понимал его не как данное, а как заданное и пытался понять строение интегративной системы эмоциональных и когнитивных процессов, обеспечивающей единую регуляцию поведения и деятельности. Включаясь в эту систему эмоции становятся «умными», обобщенными, предвосхищающими, а интеллект, функционируя в данном контексте, приобретает характер эмоционально-образного мышления, играющего важную роль в смыслообразовании и целеобразовании. Разумеется, «еди-

ная» система аффекта и интеллекта может выступать и в виде *союза ума и фурий*, а может и не достигаться вовсе, оставляя разлад между умом и сердцем. Словечко «единство» подразумевает известную автономию и даже свободу.

А. В. Запорожец подчеркивал наличие тесных и последовательно меняющихся взаимоотношений между аффектом и интеллектом. Значит, интеллектуализация высших психических функций, о которых писал Л. С. Выготский, не абсолютна, а интеллект не всемогущ. Эмоции способны выполнять оценочную и регулирующую функцию и по отношению к интеллекту: «Обычно люди сетуют, что разумные намерения и решения не реализуются вследствие того, что подавляются аффектом. Однако при этом забывают, что при чрезвычайной подвижности и бесконечности степеней свободы человеческого интеллекта было бы жизненно опасным, если бы любая мысль, пришедшая человеку в голову, автоматически побуждала его к действию. Весьма существенно и жизненно целесообразно следующее: прежде чем приобрести побудительную силу, рассудочное решение должно быть санкционировано аффектом в соответствии с тем, какой личностный смысл имеет выполнение этого требования для субъекта, для удовлетворения его потребностей и интересов»¹³. Конечно, не всемогущи и аффекты, они тоже поддаются интеллектуальной коррекции. Аффект и интеллект, равно как образ и действие, способны к взаимному ограничению степеней свободы каждого из участников этих противоречивых единств. С. Л. Франк называл подобное *непосредственным* тождеством противоположностей, но таким, при котором существенным остается и различие. Философы, следуя за самим Франком, характеризуют его позицию как монодуализм, суть которого состоит во вне- или металогиическом, непосредственном, истинном тождестве противоположностей¹⁴. Может быть под эту характеристику подпадает человеческое действие, в котором наблюдаются даже не *монодуальное*, а (поиграем словами) *монопольное* (от поли-) непосредственное тождество противоположностей познания, чувства и воли, в каждом из которых совпадают, сливаются их культурные и природные составляющие. Каждый из этих атрибутов действия (и души) может стать доминирующим в этом непосредственном тождестве. Культура, конечно, упорядочивает, организует эту стихию и хаос, А. Белый сказал бы, — закликает хаос, но не уничтожает его. С. Л. Франк в контексте раз-

¹³ Там же. С. 297.

¹⁴ Мареева Е. В. Семен Франк как зеркало русской религиозной философии // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 22.

мышлений о душе характеризовал разумные волевые действия человека как нечто *механическое*, т. е. орудийное, сфабрикованное, и определял их как инстинкт «приличия». Вместе с этим он писал: «Под тонким слоем затвердевших форм рассудочной “культурной” жизни тлеет незаметный, но неустанно действующий жар великих страстей — темных и светлых, который и в жизни личности и целых народов при благоприятных условиях ежемгновенно может перейти во всепожирающее пламя»¹⁵.

Мне кажется, что, обратившись к проблеме эмоций, А. В. Запорожец вольно, а скорее невольно начал выходить за пределы культурно-исторической психологии, чувствуя, что она не всемогуща. При всей своей сдержанности он чувствовал и испытывал силу натуральных побуждений и страстей. В нем самом было эмоциональное предвосхищение того, что природа человеческая еще будет приносить свои таинственные сюрпризы культурно-исторической психологии. Отсюда его интерес к степеням свободы человеческой моторики и интеллекта, понимание необходимости как овладения ими, так и их раскрепощения и освобождения от орудийных штампов; внимание к внутренней системе дум и переживаний личности; интерес к произвольному и свободному действию; к спонтанности развития, ограничивающей претензии замены его обучением и формированием. Отсюда же протесты против упрощенных и наивно финалистских трактовок детского развития и забота о его амплификации. Наконец, отсюда же его постоянный и неудовлетворимый интерес ко всей аффективной сфере человека.

А. В. Запорожец соглашался с Л. С. Выготским, рассматривавшим эмоции как внутренний психологический механизм связи между мышлением с чувственно-предметной деятельностью индивида, который не только пассивно созерцает окружающую действительность, но относится к ней пристрастно. Это такое «между», которое может приобретать власть и над мышлением, и над деятельностью. С этой точки зрения «эмоциональное переживание» не отблеск состояний индивида, а то, что им, индивидом, не только воспринято и понято, но и действительно прожито и пережито. Это витальный опыт успехов и неудач, побед и поражений, который человек приобрел как личность, вступая в многообразные отношения с предметным миром и окружающими людьми.

Приступая к изучению эмоций, А. В. Запорожец вспоминал Н. Н. Ланге, сравнивавшего Эмоцию с Золушкой, обделенной в пользу ее старших сестер Мышления и Воли. Он пытался испра-

¹⁵ Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. М., 1995. С. 459.

вить эту несправедливость. Пафос его немногочисленных, посвященных эмоциям работ состоял в том, чтобы очертить круг, так сказать, положительных функций, выполняемых эмоциями. Нужно сказать, что это ему удалось в значительной степени благодаря тому, что он изучал детские эмоции. А в детстве Эмоция и в самом деле Принцесса, так как она играет значительно большую роль, чем ее старшие сестры Мысль и Воля. Впечатляет, например, полученный результат: формирующаяся у ребенка способность сочувствовать другим людям, названная им аффективной «децентрацией», предшествует и, видимо, является условием «децентрации» интеллектуальной. Беда, если эмоции угасают в более зрелом возрасте...

На основании своих исследований и, видимо, собственного жизненного опыта А. В. Запорожец заключил, что «*Чувства — ядро личности, орган индивидуальности*». Эти слова, найденные в его рукописном наследии, я поставил эпиграфом к докладу о Л. С. Выготском, написанном А. В. Запорожцем за несколько месяцев до кончины. Замечу, что последний доклад Д. Б. Эльконина также был посвящен Л. С. Выготскому.

Ядром личности самого Александра Владимировича, несомненно, были чувства, хорошо скрытые за внешней спокойной невозмутимостью. Такое заключение вовсе не принижает его ума и воли. Его чувства, действительно, были высшими, умными и действенными. Он понимал абсолютную ценность человеческих чувств и старался вывести их за пределы прагматики поведения и деятельности. Он и сам был подлинный «*муж чувств*», благотворное влияние которых многие испытали на себе.

До сих пор я открываю *горизонт ближайшего развития* своих исследований и размышлений в трудах А. В. Запорожца, А. А. Ухтомского, Г. Г. Шпета, Н. А. Бернштейна, С. Л. Рубинштейна и моих учителей — представителей школы Л. С. Выготского и не только... Хотелось бы пожелать того же следующим за моим поколениям психологов.

О начале научной работы Майи Ивановны Лисиной

Майя Ивановна Лисина (1929—1983) известна как замечательный детский психолог. Почти три десятилетия она изучала генезис и формы общения у детей и, видимо, сама забыла о начале собственной научной деятельности, весьма далекой от изучения младенчества и детства. А начало было не менее замечательным, чем продолжение.

После окончания МГУ им. М. В. Ломоносова в 1952 году М. И. Лисина стала аспиранткой А. В. Запорожца. Хотя ее научный руководитель заведовал лабораторией детской психологии, он предложил аспирантке тему, соответствующую его давним общепсихологическим интересам. По свидетельству А. Н. Леонтьева, он вместе с А. В. Запорожцем в 1936 году разработал гипотезу о генезисе и природе чувствительности. В 1940 году А. В. Запорожец и В. А. Аснин опубликовали первые результаты исследований, доказывающих ее правдоподобность¹. Хотя неоднократно высказывались сомнения в возможности выработки чувствительности кожи ладони к лучам видимого спектра, меня убеждает в доброкачественности исследований не только личное знакомство с экспериментатором, но и авторитетное мнение выдающегося физиолога Л. А. Орбели, который был официальным оппонентом по докторской диссертации А. Н. Леонтьева, где были подробно изложены эти исследования.

Однако А. В. Запорожцу этих, самих по себе интереснейших результатов, освещающих проблему возникновения ощущений, было недостаточно. Его волновал генезис произвольности вообще и произвольных движений в частности. Такую проблему легко поставить, но как подступиться к ее решению? Не так просто найти у взрослого человека элементарное «двигательное действие» (в терминологии Н. А. Бернштейна), которое человек не смог бы со-

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1959. С. 42, 108, 135.